

Бруно Беттельхейм

О ПОЛЬЗЕ ВОЛШЕБСТВА

Смысл и значение
волшебных сказок

Перевод Екатерины Семеновой

МИО

Бруно Беттельхейм

О ПОЛЬЗЕ ВОЛШЕБСТВА

Смысл и значение
волшебных сказок

Перевод с английского
Екатерины Семеновой

Москва
МИФ
2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Борьба за смысл	7
Часть I. Полный карман чудес	33
Жизнь, предсказанная изнутри	35
«Рыбак и джинн»	43
Сказка и миф	53
«Три поросенка»	63
Детям нужно волшебство	69
Как важно «овнешнять»	93
Превращения	102
Упорядочивание хаоса	113
«Пчелиная матка»	116
«Братец и сестрица»	120
«Синдбад-мореход и Синдбад-носильщик»	128
Обрамление цикла «Тысяча и одна ночь»: история Шахрияра и Шахерезады	134
Сказки о двух братьях	141
«Три языка»	151
«Три перышка»	160

Эдипов конфликт и его разрешение	174
Страх перед фантазией	183
Как выйти из младенчества? Фантазия поможет!	194
«Гусятница»	212
Фантазия, исцеление, побег и утешение	223
Как рассказывать волшебные сказки	234
Часть II. В волшебной стране	243
«Гензель и Гретель»	245
«Красная Шапочка»	257
«Джек и бобовый стебель»	281
«Белоснежка и семь гномов»: завистливая королева и миф об Эдипе	296
«Белоснежка»	305
«Златовласка и три медведя»	329
«Спящая красавица»	344
«Золушка»	361
Цикл сказок о женихе-животном	423
Благодарности	473
Примечания	475
Об авторе	507
Библиография	508

Введение

БОРЬБА ЗА СМЫСЛ

Если нам мало *жить, наблюдая бег минут*, и если мы стремимся к подлинному осознанию собственной жизни, нам следует искать ее смысл. Обретение смысла жизни — самое важное и самое трудное достижение. Сколь многие утратили стремление жить всерьез и волю к жизни оттого, что ее смысл ускользнул от них! Понимание человеком смысла собственного существования не приходит внезапно с достижением того или иного возраста, в том числе и зрелого. Напротив, обретение надежного понимания того, в чем состоит (или должен состоять) смысл моей жизни, представляет собой необходимое условие формирования психологической зрелости. И достичь ее можно лишь в итоге длительного развития: на каждом этапе жизни мы ищем (и должны суметь найти) крупицу смысла, соответствующую тому, какое развитие получило к данному моменту наше сознание и что мы способны уразуметь.

Вопреки сюжету античного мифа мудрость не является нам сразу вся целиком, воплотившись в окончательную форму, подобно Афине из головы Зевса. Можно сравнить ее обретение со строительством или путем, которым мы следуем шаг за шагом, начав его с самых бессмысленных начал. Лишь став взрослым,

можно стяжать понимание смысла собственного существования в мире, опираясь на обретенный опыт. Увы, слишком часто родители хотят, чтобы дети рассуждали так же, как они сами, упуская при этом из виду, что развитие самосознания и миропонимания, а также представлений о смысле жизни требует не меньше времени, чем развитие телесное и умственное.

Сегодня, как и в прежние времена, самой важной (и самой трудной!) задачей в воспитании ребенка остается помощь ему в обретении смысла жизни. Чтобы достичь этого, взрослея, необходимо многое пережить. Дитя, развиваясь, должно понемногу учиться все лучше и лучше понимать себя; осваивая это умение, оно обретает способность понимать других и в конечном счете общаться с ними так, что общение приносит удовлетворение обеим сторонам, будучи исполнено смысла.

Что нужно, чтобы достичь глубинных смыслов? Преодолеть узкие рамки такого существования, когда все вращается вокруг тебя, и поверить, что ты внесешь в жизнь весомый вклад: если не теперь, то некогда, в будущем. Это чувство необходимо тому, кто хочет ощущать удовлетворение от того, кто он такой и что делает. Чтобы не оказаться игрушкой в руках судьбы, необходимо развивать внутренние ресурсы, дабы эмоции, воображение и ум поддерживали и обогащали друг друга. Испытывая положительные ощущения, мы обретаем силу для развития нашего *ratio*; лишь надежда на будущее может укрепить нас в невзгодах, с которыми каждый из нас неизбежно встречается на жизненном пути.

В педагогической и терапевтической работе с детьми, страдавшими тяжелыми нарушениями психики, моей главной задачей было вернуть смысл в их жизнь. В ходе этой работы я понял, что, если детей воспитывали так, что жизнь получала для них смысл, им не требовалась специальная помощь. Передо мной возникла проблема поисков того, какой опыт и какие переживания в жизни детей в наибольшей мере помогают

развитию их способности обретения смысла жизни, дабы их жизнь как целое обогащалась смыслом. Если говорить об этой задаче, то нет ничего важнее вклада родителей и тех, кто заботится о ребенке. Следующая по значимости роль принадлежит культурному наследию, важно только преподносить его ребенку должным образом. Пока дети малы, лучше всего до них доносить соответствующую информацию художественное слово.

В этой связи значительная часть литературы, рассчитанной на развитие личности и сознания ребенка, вызывает у меня глубокое разочарование. Такое чтение не подпитывает ресурсы, более всего необходимые ребенку для совладания с внутренними проблемами (а справляться с ними ему непросто!). Буквари и книжки, по которым он учится читать в школе, рассчитаны на развитие необходимых навыков, тогда как смыслы вообще не интересуют их составителей. Остальная так называемая детская литература в подавляющем большинстве своем призвана развлекать или давать знания (или рассчитана и на то и на другое одновременно). Но смысла из них можно извлечь очень немного, настолько легковесно их содержание. Приобретение навыков, включая способность читать, обесценивается: человек овладевает ими, но ничего существенного в его жизнь это не привносит.

Все мы склонны оценивать то, что наша деятельность принесет нам в будущем, основываясь на том, что она дает нам сейчас. Но в отношении ребенка это особенно верно: он живет настоящим куда в большей мере, чем взрослый, и, хотя испытывает беспокойство относительно своего будущего, лишь смутно представляет себе, каким оно окажется и что от него потребуются. Взрослые обещают: «Научившись хорошо делать это, позднее ты обогатишь свою жизнь». Но если ребенок читает или слушает нечто бессодержательное, обещание начинает казаться ему пустым. И что хуже всего, детские книги обманывают ребенка в отношении того, что он может и должен получить из опыта чтения, ведь они не дают

доступа к глубинным смыслам, важным для него на том этапе развития, на котором он сейчас находится.

Чтобы прочно завладеть вниманием ребенка, книга должна быть занимательной, пробуждать любопытство. Но если она призвана обогатить его жизнь, она должна подстегнуть его воображение, помочь ему развить ум и прояснить чувства, откликнуться на его тревоги и надежды, полностью отобразить его трудности и в то же время подсказать решения тех проблем, что его беспокоят. Одним словом, она должна затрагивать все аспекты его личности одновременно и при этом не только не допускать пренебрежения к читателю-«малышу», но и, напротив, со всей серьезностью отнестись к его затруднениям, одновременно поддерживая его веру в себя и в собственное будущее.

С этой точки зрения (не говоря уж о многих других) ничто не способно более обогатить ребенка и взрослого, нежели народные волшебные сказки; чтение их приносит наибольшее удовлетворение. Правда, стороннему наблюдателю может показаться, что волшебные сказки не слишком-то годятся для обучения тонкостям жизни в современном массовом обществе: они были созданы задолго до того, как оно сформировалось. Но что касается внутренних проблем, с которыми сталкивается человек, и того, как их правильно разрешить в любом обществе, из них можно узнать больше, нежели из любой другой книги, доступной ребенку. Поскольку ребенок постоянно подвергается воздействию общества, в котором живет, он непременно научится справляться с его требованиями при условии, если внутренние ресурсы позволяют ему это.

Уже в силу того, что жизнь то и дело ставит ребенка в тупик, он нуждается в том, чтобы осознать самого себя в сложном мире, на вызовы которого ему необходимо научиться отвечать. Чтобы дитя справлялось с этим, ему следует помочь превратить хаос собственных переживаний в гармоничное смысловое целое. Требуется подсказать ему, как навести порядок в своем внутреннем

мире, а затем, опираясь на это, и в жизни. Ему нужно — и с этим нельзя не согласиться, учитывая, *какое время на дворе*, — моральное воспитание, которое исподволь, незаметно представит ему преимущества морального поведения. И делать это нужно, привлекая не абстрактные этические понятия, но то, что будет для него осязаемо и в силу этого осмысленно. Дитя обретает такого рода смыслы, читая сказки. Это открытие современной психологии, как и многие другие, давно предугадали поэты. Шиллер писал:

*И в сказках часто больший смысл таится,
Чем в истинах, которым учит жизнь*^{*}.

В течение сотен (если не тысяч) лет сказки передавались из уст в уста, становились все совершеннее и в итоге стали выражать и явное, и скрытое содержание. Они адресованы всем уровням человеческой личности; манера, в которой они обращаются к читателю, понятна как дошкольнику, так и искушенному взрослому. Прибегая к психоаналитической модели человеческого сознания, можно сказать, что сказки несут важное сообщение сознательному, предсознательному и бессознательному компонентам психического, какой бы уровень ни вышел на первый план для данного субъекта. В сказках речь идет о вечных проблемах, стоящих перед человечеством, в том числе и тех, которые более всего занимают ребенка; в этом случае они более всего говорят его едва «проклюнувшемуся» «я», способствуют его развитию и вместе с тем облегчают напряжение, исходящее от предсознательного и бессознательного. Разворачиваясь, сказочные сюжеты помогают сознанию уловить напряжения, исходящие от «оно», найти для них воплощение, а также показать, каким образом так или иначе

^{*} Пер. Н. Славятинского. Шиллер Ф. Пикколомини // Шиллер Ф. Собр. соч. в 7 т. Т. 2. М., 1955. С. 394. *Здесь и далее прим. переводчика, если не указано иное.*

можно удовлетворить влечения, не противореча требованиям «я» и *сверх-«я»*.

Но мой интерес к волшебным сказкам направлен не на то, чтобы провести «технический анализ» преимуществ, которые они дают. Возник он совершенно по иной причине: я спрашивал себя, почему (я могу судить, исходя из собственного опыта) дети — как нормальные, так и с особенностями развития, на каком бы уровне они ни находились, — любят народные волшебные сказки больше, чем какую бы то ни было еще детскую литературу.

Чем больше усилий я прилагал, чтобы понять, почему сказки так обогащают внутреннюю жизнь ребенка, тем больше я понимал, что они, если можно так выразиться, начинают там, где ребенок находится в данный момент в своем психологическом и эмоциональном развитии. Они воздействуют глубже, чем какие бы то ни было еще тексты для чтения, затрагивая самые глубины его существа. Они говорят о сильнейшем натиске изнутри, переживаемом ребенком, причем ребенок понимает, что происходит, на бессознательном уровне. Более того, не преуменьшая серьезности внутренних конфликтов, с которыми сопряжено взросление, они предлагают примеры того, как разрешить ту или иную трудность — на какое-то время или навсегда.

Коль скоро я получил грант от Фонда Спенсера и имею возможность уделить время изучению вклада, который психоанализ способен внести в воспитание и образование детей (и коль скоро чтение является существеннейшим инструментом образования вне зависимости от того, читает ли ребенок сам или ему читают другие), мне показалось уместным использовать эту возможность, дабы поглубже и поподробнее изучить, почему же народные волшебные сказки имеют столь большое значение для воспитания. Надеюсь, что должное понимание уникальных достоинств волшебных сказок побудит родителей и учителей поспособствовать тому, чтобы сказки вновь стали играть центральную роль в жизни ребенка, как то было в течение столетий.

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ И ТРУДНОСТИ БЫТИЯ

Взрослея, ребенок преодолевает многочисленные психологические трудности: нарциссические разочарования, эдиповы дилеммы, соперничество с братьями и сестрами. Он перестает зависеть от взрослых, приобретает чувства самости и самооценности, а также ощущение моральных обязательств. Чтобы все это могло произойти, ребенку нужно понимать, что происходит в его сознательном «я»; тем самым он получит возможность совладать с тем, что происходит в бессознательном. Достижение этого понимания и, соответственно, обретение способности к совладанию происходит отнюдь не путем *рационального* усвоения того, какова природа его бессознательного и что оно в себе таит.

Знакомство с ним происходит, когда ребенок предается мечтам в ответ на импульсы, исходящие от него. Его занимают подходящие элементы сказочных сюжетов: он размышляет о них, представляет в своем воображении, крутит так и этак. Тем самым дитя облекает бессознательное содержание в сознательные фантазии, что, в свою очередь, помогает ему с этим содержанием справиться. Именно здесь волшебные сказки оказывают ребенку неоценимую пользу: они обеспечивают новые измерения для его воображения, которые ему никогда не удалось бы по-настоящему открыть для себя в одиночку. Что еще важнее, форма и композиция волшебных сказок подсказывают ребенку образы, с помощью которых он может структурировать свои фантазии и направить свою жизнь более верным путем.

Бессознательное существенно влияет на поведение как детей, так и взрослых. Когда оно подавляется и на проникновение его содержания в сознание накладывается запрет, то в конечном счете сознательное оказывается частично захвачено тем, что порождают эти элементы бессознательного. Возможно и другое: ему приходится столь жестко — можно сказать, маниакально — контролировать

их, что его личность оказывается буквально искалечена. Но если какая-то часть бессознательного материала проникает в сознание и перерабатывается воображением, то его способность нанести вред — самому человеку или его окружению — в значительной степени уменьшается, а некоторые его силы можно направить на позитивные цели. Однако подавляющее большинство родителей убеждено, что ребенка следует отвлекать от не имеющих воплощения и названия тревог и хаотичных фантазий, где царит зло и даже насилие, — словом, того, что его более всего беспокоит. Многие отцы и матери полагают, что ребенок должен иметь дело только с осознаваемой реальностью и приятными образами, связанными с исполнением желаний, то есть должен быть знаком лишь со светлой стороной жизни. Но такая жесткая диета приводит к тому, что сознание питается лишь частью необходимой пищи. В действительности жизнь имеет не только светлую сторону.

Очень многие родители желают предохранить ребенка от понимания того, что значительная часть неприятностей в жизни происходит от собственной нашей природы, — иными словами, от присущей всем и каждому склонности к агрессивным, асоциальным, эгоистичным поступкам под воздействием гнева и тревоги. Напротив, мы хотим, чтобы наши дети считали, что все люди хороши *по природе своей*. Но дети знают, что они не всегда бывают хорошими, и зачастую, даже будучи хорошими, предпочли бы иное. Это противоречит тому, что им говорят родители, и ребенок из-за этого выглядит чудовищем в собственных глазах.

Господствующая ныне культура настаивает на ложном утверждении (в особенности когда дело касается детей), что у человека нет темных сторон, и проповедует мелиоризм: «Ситуацию можно улучшить, если только захотеть». Согласно распространенному мнению, сам психоанализ был создан, дабы облегчить человеческую жизнь. Однако Фрейд имел в виду вовсе не это. Жизнь по сути своей проблематична, и психоанализ был создан, чтобы

помочь человеку принять этот факт, а не сломаться под тяжестью его осознания и не удариться в бегство. Согласно «рецепту» основателя психоанализа, человек способен преуспеть в мучительных поисках смысла своего существования только в том случае, если он призовет себе на помощь всю свою смелость в борьбе с противником, чьи шансы на победу кажутся абсолютными.

Именно эту мысль сказка доводит до ребенка бесчисленными способами: человек неизбежно сталкивается в жизни с серьезнейшими трудностями, это неотъемлемая часть его существования. Но тот, кто не уклоняется от борьбы, а с твердостью противостоит неожиданным ударам судьбы, зачастую несправедливой, преодолеет все препятствия и в конце концов одержит победу.

Современные тексты для маленьких детей по большей части не затрагивают этих проблем нашего существования, хотя они имеют принципиальное значение для каждого из нас. В особенности ребенок нуждается в намеках — в символической форме — по поводу того, как справиться с этими проблемами и благополучно достичь зрелости. В «безопасных» текстах не упоминаются ни смерть, ни старение, кладущие предел нашему существованию, ни желание бессмертия. Напротив, волшебные сказки ставят ребенка лицом к лицу с основными проблемами человеческой жизни.

К примеру, многие из них начинаются с того, что умирают отец или мать; смерть родителей порождает самые мучительные проблемы, как и в реальности (вне зависимости от того, сама смерть или страх ее имеется в виду). В других сказках говорится, как отец, старея, решает, что пришла пора уступить место новому поколению. Но прежде чем это произойдет, наследник должен проявить свои достоинства и способности. Сказка «Три перышка» из сборника братьев Гримм начинается так: «Жил-был однажды король, было у него три сына... Вот король состарился уже и стал слаб; видит, что скоро ему помирать придется, но никак он не мог решить, кому же из своих сыновей царство свое передать

в наследство»¹. Чтобы принять решение, король дает всем трем сыновьям трудное задание; тот, кто справится с ним лучше всего, «станет королем после моей смерти», говорит отец.

Экзистенциальные проблемы в сказках формулируются кратко и заостренно — такова их характерная особенность. Это дает ребенку возможность подойти к проблеме вплотную, тогда как более сложный сюжет мог бы сбить его с толку. Сказка упрощает любую ситуацию. Образы в ней четко очерчены; детали имеют принципиальное значение, в противном же случае они опускаются. Все герои скорее типичны, нежели индивидуальны.

Зло вездесуще, так же как и добродетель (что не характерно для многих современных детских книг). Практически в любой волшебной сказке добро и зло воплощены в конкретных образах и их поступках, ведь добро и зло пронизывают нашу жизнь, а склонность к тому и другому присущи каждому. Именно эта двойственность ставит перед человеком проблемы из области морали, и разрешение их не дается без борьбы.

Зло, представленное фигурами могучего великана, или дракона, или могущественной волшебницы (например, злокозненной королевы из сказки «Белоснежка»), не лишено привлекательности и зачастую на время одерживает верх. Во многих сказках узурпатору — как, например, злым сестрам в «Золушке» — удается на какой-то срок занять место, что по праву принадлежит герою. Однако опыт морального воспитания, который приобретает читатель, погружаясь в мир сказки, определяется не тем, что в конце злодей несет наказание (хотя и это важно). Как и в жизни, в сказках наказание или связанный с ним страх лишь отчасти удерживают преступника. Убеждение в том, что преступление себя не оправдывает, действует куда эффективнее, и именно здесь кроется причина того, что в сказках злой персонаж всегда остается в проигрыше. Ребенка формирует с точки зрения морали

¹ Пер. Г. Петникова. Цит. по изд.: Гримм Я., Гримм В. Сказки. М., 1949. С. 293.

не то, что добродетель в итоге побеждает, но то, что он в высшей степени симпатизирует герою и идентифицирует с ним себя, оказавшись в той или иной трудной ситуации. Дитя воображает, будто разделяет с персонажем горести и торжествует победы. Подобное отождествление осуществляется целиком и полностью по инициативе ребенка; конфликты, в которые вступает герой, и происходящая в его сердце борьба оставляют отпечаток в душе маленького слушателя.

Сказочным героям не свойственна амбивалентность: нельзя сказать, что они хороши и плохи одновременно, как то свойственно нам, реальным людям. Но поскольку сознанию ребенка свойственна контрастность, она преобладает и в сказках. Человек хорош или дурен, третьего не дано. Один из братьев глуп — другой умен. Одна из сестер добрая и работающая — другая злая и ленивая. Кто-то красив — остальные уродливы. Один из родителей хорош целиком и полностью — второй зол. В сказках, в отличие от назидательных историй, противоположные характеры изображаются не для того, чтобы указать, какое поведение является правильным. (Среди сказок есть и лишённые морального начала, где вовсе не играет роли, добр персонаж или зол, красив или уродлив.) Благодаря тому что ребенок сталкивается с полярными характерами, он с лёгкостью улавливает разницу между ними; если бы образы оказались более приближены к жизни и характеры отличались сложностями, свойственными реальным людям, ему не удалось бы сделать этого с такой лёгкостью. С неоднозначностью нужно подождать, куда личность не сформируется на основе позитивных идентификаций, хотя бы в первом приближении. Тогда у ребенка появится основа для понимания того, что все люди разные и что в силу этой причины человеку надо выбирать, кем он хочет стать. Черно-белое видение, присущее волшебным сказкам, облегчает принятие этого решения, важность которого трудно переоценить, ведь от него зависит все дальнейшее развитие личности.